

УДК 82.09

DOI 10.17223/19986645/17/6

В.С. Киселев

**ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» В.А. ЖУКОВСКОГО
(1808–1811)¹**

Статья посвящена стратегиям формирования ансамблевого единства в журнале «Вестник Европы» в период редактирования В.А. Жуковского (1808–1810 гг.). Устанавливаются ориентиры издателя в пространстве общественно-политических и литературно-критических полемик эпохи. Особое внимание уделено мировоззренческой и художественной программе журнала. Подвергается анализу поэтика циклизации, способствующая тесной интеграции материалов.

Ключевые слова: русская литература, русская журналистика, В.А. Жуковский, «Вестник Европы».

За время редактирования и соредктирования В.А. Жуковского «Вестник Европы» (1808–1811 гг.) прошел несколько стадий развития, трансформировавшись из авторского литературного журнала в энциклопедическое полисубъектное целое. Обе модели предлагали свои подходы к общению с читателем и способы интеграции материала. Заметим, что до настоящего момента они еще не рассматривались в контексте ансамблевого целого, хотя целый ряд исследований позволил выявить несомненную последовательность, системность в составе основных жанрово-тематических групп и разделов журнала [1. С. 108–137; 2. С. 173–192; 3. С. 3–19; 4. С. 10–12; 5. С. 141–222]. Учитывая эти наблюдения, представляется целесообразным сосредоточиться на эволюции коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника» от 1808–1809 к 1810–1811 гг.

Главным связующим звеном журнала в 1808–1809 гг. был образ автора-издателя, разворачивавшего перед читателем панораму своих этико-эстетических идеалов и прибегавшего к формам субъективного письма – в журнальных жанрах, беллетристике и лирике. С данной точки зрения журнал доводил до завершения тенденцию «дневниковой» циклизации, основанной на примате индивидуального видения [6. С. 101–112]. Ей, однако, издатель придал обобщенно-символическое звучание, подчинив сенсуалистскую хаотичность дневника авторской целенаправленной рефлексии и сделав личностный кругозор производным универсальной – романтической – концепции человека. В отличие от Н.М. Карамзина, обращавшего своими журналами к динамике бытия личности в «большом мире», т. е. восходившего от дневника к хронике, Жуковский подчинил хроникальную форму задачам самопознания личности, устройства ее малого мира.

¹ Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых МД-3069.2011.6.

Такова была принципиальная позиция журналиста, программно озвученная в статье «Несколько слов о том же предмете» («Писатель в обществе» [7. С. 118–135]). Здесь Жуковский, отталкиваясь от своего опыта, четко разделял две экзистенциальные сферы, «семейственную», в «которой он <писатель> счастлив, любим и любит», «где он беседует с самим собою, <...> совершенствует душу свою», и публичную, «светскую», куда «он входит изредка <...>, желающий единственно приобретения некоторых новых понятий, некоторой образованности, необходимой его таланту» [7. С. 134]. Обратной стороной этого самообразования выступало, по Жуковскому, воздействие на своих собеседников и читателей, лишенное глубокой интимности: «Вся деятельность его в сем круге ограничится единственно тем влиянием, которое он может иметь на него посредством своего таланта» [7. С. 134].

Журналист обозначил и скрытую цель влияния, не ограничивающегося распространением знаний. Дело в том, что «писатель имеет в обществе существенное преимущество перед людьми светскими; он может порядочнее и лучше мыслить. От умственной работы, которой посвящена большая часть его дня, приучается он обдумывать те предметы, которые светский человек только что замечает; <...> привычка приводить в порядок, предлагать в связи и выражать с точности свои мысли дает понятиям его особенную ясность, определенность и полноту, которых никогда не могут иметь понятия человека, исключительно занимающегося светом: последний по причине разнообразия предметов, мелькающих мимо него с чрезвычайною быстротою, принужден, так сказать, ловить их на лету и устремлять на них внимание свое только мимоходом» [7. С. 125]. Таким образом, публичный писатель, «когда желает произвести нечто полезное для общества» [8. С. 19], должен заботиться не только о наполнении ума современников, но и о его развитии.

Эта цель недостижима без знания своего читателя, учета его социального статуса, уровня подготовленности и круга интересов. С данной точки зрения Жуковский сразу ориентировал журнал на светскую публику. Да, утверждал он в «Письме из уезда к издателю», «одинакие понятия о наслаждениях жизнью соединяют чертоги и хижину», различаясь только «средствами находить счастье», которые для светского человека «разнообразнее и тонее», а для простолюдина «простее и легче» [8. С. 15]. Тем самым просвещение, т.е. «искусство жить, искусство действовать и совершенствоваться в том круге, в который заключила нас рука Промысла» [8. С. 14], ориентировано на выявление общечеловеческого смысла, но универсальность эта полнее всего проявлена в образованном дворянине – к нему и обращен «Вестник Европы». Для остальных категорий читателей Жуковский попытался наметить ограниченную программу просвещения, тоже универсальную, только на уровне простейших жизненных понятий и потребностей («О новой книге: Училище бедных, сочинение г-жи ле Пренс де Бомон»/1808. № 21/).

В рецептивном плане типология читателей была произведена журналистом в статье «О критике» [9. С. 33–49], где выделялось «два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются с темным и весьма беспорядочным о ней понятием – это происходит или от непривычки мыслить в связи, или от некоторой беспечности, которая препятствует им следовать своим вниманием за мыслями автора и разбирать впечатления, в них производимые

красотами или недостатками его творения; другие читают, мыслят, чувствуют, замечают прекрасное, видят погрешности – и в голове их остается порядочное, полное понятие о том, что читали» [9. С. 37–38]. В этом плане журналист целенаправленным отбором, организацией и критическим комментарием к текстам должен давать «Ариаднину нить рассудку и чувству» [9. С. 38] рассеянной светской публики, оставляя «своим», интимно-домашним адресатам и друзьям-писателям свободу самостоятельного восприятия.

Мировоззренческую основу подобного общения Жуковский выявил в переводной статье «О нравственной пользе поэзии» [10. С. 161–172], которую можно назвать манифестом эстетического воспитания. Здесь писатель тщательно разграничил прагматические цели литературы и ее подлинную художественную сущность. Задача нравственного воздействия – «усовершенствование целого существа нашего» [10. С. 166]. Условие поэтического влияния – пробуждение чувственных способностей личности, приведение в гармонию ее воображения, эмоций, мышления. Обе сферы неразрывно связаны, однако не должны отождествляться: «Стихотворцу не нужно иметь в виду непосредственного образования добродетелей» [10. С. 164]. Такие поучения «могли бы заключаться не в самой книге, а разве только в ее предисловии или дополнении» [10. С. 170]. Сам же поэт создает завершенные образные миры, прекрасные и истинные в самих себе. Они являются для читателя живым образцом чувствования, сознания, поведения, а потому легче и глубже воздействуют на развитие личности, опережая исключительно нравственное влияние.

Очевидное применение эта концепция находит в журнале, состоящем, с одной стороны, из художественных произведений, с другой – из нравственно-философских и эстетических комментариев к ним, «предисловий и дополнений». Подробную программу такого журнала Жуковский разработал в «Письме из уезда». Первым делом он подчеркнул сосредоточенность «Вестника» на литературе, преимущественно отечественной, усматривая в ней самое эффективное средство личностного развития: «Читать <...> – действовать в уединении с самим собою для того, чтобы научить себя действовать в обществе с другими, – есть совершенствоваться» [8. С. 7]. Журнальное чтение, кроме того, имеет свою специфику, оно предполагает приоритет занимательности, художественности над прагматическим воздействием, ибо «уроки морали ничто без опытов, и критика самая тонкая ничто без образцов» [8. С. 9].

Художественная установка, по Жуковскому, подчиняет себе все журнальные дискурсы, публицистику, документально-информационные жанры, критику, возводя их к определенному, субъективно ориентированному миру-образу: «Политика <...> питает одно любопытство; и в таком только отношении журналист описывает новейшие и самые важные случаи мира» [8. С. 8]. В этом плане предметы журнала – «сцены кровопролития», «сцены благоденствия и мира», «великие характеры», «новые открытия человеческого ума», а в целом «листы его <...> соединяют читателя со всеми отдаленными и близкими краями земли» [8. С. 8–9]. Личностный смысл данной картины мира открывает нравственно-философская эссеистика, которая «предлагает <...> хорошие мысли <...>, рассуждая как моралист или метафизик о предметах, важных для человека» [8. С. 8], но в первую очередь поэзия и беллетристика,

«в которой идеальное нравилось бы сходством своим с существенностью, которая доставляла бы любопытному удовольствие сравнивать истину с вымыслом, самого себя с романическим лицом и, может быть, объяснять многое, в собственном сердце его казавшееся тайною» [8. С. 8].

Дальнейшая специализация журналу вредна, поскольку уводит от целостного самопознания, ее можно дополнить, что Жуковский и сделал впоследствии, только эстетическими разборами, образующими вкус и мышление читателя, т.е. в идеале всю гамму его чувственно-интеллектуальных способностей (см. статью «О критике»). Составленный таким образом журнал, универсальный, но подчиненный художественному заданию, успешно выполнит цель приготовления человека к деятельности «в своем особенном круге», в том числе к чтению специализированных книг – без утраты единой личностной перспективы. «Итак, существенная польза журнала, не говоря уже о приятности минутного занятия, состоит в том, что он скорее всякой другой книги распространяет полезные идеи, образует разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразия, легкости, нечувствительно привлекает к занятиям более трудным, усиливает охоту читать и читать с целью, с выбором, для пользы!» [8. С. 13–14].

Столь тщательно отрефлексированная журналистом стратегия эстетического воспитания позволила создать уникальное в своем роде ансамблевое целое, ограниченное в содержательном плане, но в его пределах стремящееся к полному охвату аспектов и ракурсов личностного бытия. Во всей широте эта тенденция развернулась во второй период редактирования «Вестника», с осени 1808 до осени 1809 г., когда «дневниковое» ядро журнала уже заявило о себе, связав номера интимно-мировоззренческой семантикой и общим образом автора, и позволило усложнить метатекстовую структуру. Существенную роль здесь сыграло возвращение М.Т. Каченовского, сначала как сотрудника, взявшего на себя ответственность за хроникально-публицистические и научно-исторические материалы, а затем и как соредатора (с ноября 1809 по конец 1810 г.), настойчиво подвигавшего журнал к специализации, к преобразованию «светского» универсализма в жанрово и содержательно дифференцированный энциклопедизм.

Это до определенной степени совпадало со стремлениями Жуковского и позволяло ввести в журнал элемент стереоскопичности. Соиздатели представляли две диалогически соотнесенные кружковые программы – литературную, построенную на примате дружеского общения и близости художественных поисков, и «ученую», основанную на профессиональных интересах.

Так, по «Вестнику» можно было следить за расширением литературных знакомств Жуковского. На первых порах вкладчиками оставались старые товарищи: «Ты, Блудов, – писал в Петербург издатель, – мог бы доставлять мне рисунки и планы лучших петербургских зданий, разумеется, с описаниями; это было бы полезно для моего журнала, который хочу украшать не только пером, но и резцом» [11. С. 37–38]. Скромным плодом обращения выступили письма Н.Ф. Алферова (1808. № 7, 11), переправленные Д.Н. Блудовым и наполненные описаниями европейских архитектурных достопримечательностей. «Если бы ты не был и ленив и беспечен, – укорял журналист А.И. Тургенева, – то мог бы быть весьма полезен моему изданию. Первое, доставляя

разные известия о ученых обществах петербургских, о литературе, театре и разных разностях, являющихся на горизонте петербургского мира или, по крайней мере, ты мог бы надоумить двух-трех и до полдюжины хлопотливых и умных человек <...>, которые присылали бы мне разные известия» [11. С. 47]. Эти планы не осуществились, и Тургенев дал для «Вестника» лишь материалы из архива А.Д. Кантемира («Георг II, английский король...». 1808. № 4), перевод небольшой статьи-письма О. Ворма «О детях Антона-Ульриха» (1808. № 15) и свой очерк «Путешествие русского на Брокен в 1803 году» (1808. № 22). Н.И. Тургенев поделился еще письмом-отчетом «О пребывании двух императоров в Эрфурте» (1808. № 23).

Более активными участниками журнала, связанными еще со времен «Дружеского литературного общества», выступили А.Ф. Мерзляков и А.Ф. Воейков, регулярно предоставлявшие в распоряжение издателя свои стихи и переводы. Отметим, что память о дружеском круге Жуковский постарался воскресить сразу – стихами Мерзлякова на смерть Ан. Тургенева «К друзьям» с показательной пометой «Писано в 1803» (1808. № 2).

С осени 1808 г. в «Вестник» постепенно приходят новые авторы-карамзинисты. В октябрьском номере дебютировал П.А. Вяземский с ученическим «Посланием к <Жуковскому> в деревню» (1808. № 19). Это знакомство – через Карамзина – быстро переросло в дружбу, а благодаря публикациям в «Вестнике», все более частым и репрезентативным (подборки в № 24 за 1808, № 4, 6 за 1809 и др. [12. С. 42–47]), стало свидетельством плодотворного развития карамзинской школы. Позже, тоже у Карамзина, Жуковский лично встретится с К.Н. Батюшковым, стихи которого уже публиковал (1809. № 6). С ноября 1809 г. участие Батюшкова в журнале будет регулярным (1809. № 21, 23; 1810. № 3 и др.). Нужно подчеркнуть, что издатель старался представить читателю молодых авторов в своеобразии их дарования, печатая эпиграммы и послания Вяземского и элегико-антологические опыты Батюшкова. Они дополняли и оттеняли творчество самого Жуковского, составляя основу младокарамзинистской преромантической словесности.

С возвращением М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» начал расширяться и круг его ученых корреспондентов – митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов), П.Ф. Калайдович, И.Р. Мартос, Н.П. Брусилов, И.Т. Буле и др. Их участие в журнале оставалось пока эпизодическим, и «Вестник» сохранял свой монологический каркас, будь то раздел литературный (переводы Жуковского) или научно-публицистический (статьи и переводы Каченовского), но потенциально соседство двух программ, до поры мирное, расслаивало ансамблевый мирообраз на сферы, по удачному определению Г.В. Зыковой, «образцов» и «правил» [13. С. 18–34], целостно-художественного воссоздания действительности и аналитического ее рассмотрения. Взаимодействие этих установок определило новый характер журнального нарратива, превратив его из интимно-психологического размышления в дискурс об историческом бытии.

Прежде всего, с введением в «Вестник» разноаспектного материала изменился регистр восприятия, требовавший более сложной техники проблемно-повествовательного согласования ансамбля. На это в пору начавшихся конфликтов между издателями раздраженно указывал Каченовский (письмо от

24 сентября 1810 г.): «Писать критику и выбирать мелкие статьи гораздо труднее, нежели переводить из готовой книги» [14. С. 91]. Трудность здесь заключалась в следовании за текучестью социокультурного и литературного момента, в освещении новых ситуаций и вопросов, в широте их осмысления.

Жуковский, заметим, сам сознавал эту сложность, открывая для себя сферу историографии, социальной публицистики, критики: «Надобно осудить себя, – писал он А.И. Тургеневу, – на несколько лет ученической деятельности или приготовительной, дабы набрать сведения» [11. С. 84]. При всей авторской скромности, однако, именно его видение, стремящееся к «философическому взгляду на происшествия в связи» [11. С. 75], к выявлению общезначимой и одновременно личностной перспективы явлений, выступало скрепляющим звеном журнала, подготавливая специально-дифференцирующее освещение Каченовского. Причем если одного редактора больше привлекали результаты рефлексии, то другого сам ее процесс.

Подчиняясь действию этой «объективной» установки, в журнальной прозе Жуковского постепенно повышалась роль документальных жанров, смещавших интерес от дневника (этико-психологического начала) к хронике (проблемы «внешнего» бытия личности). Информационно-познавательная составляющая находила воплощение, прежде всего, в регулярных очерках-путешествиях. Показательно, что размещались они в разных рубриках, и ориентиром здесь выступало наличие личностного взгляда: описательно-статистические попадали в отдел политики или науки (в 1809–1810 гг. их переводчиком был в основном Каченовский), а имеющие субъективный колорит – в литературный.

Так, переводы из «Путешествия в Иерусалим» Ф.Р. Шатобриана, насыщенные этнографическим, историческим и географическим материалом, но пронизанные авторской рефлексией и часто лирические по звучанию, публиковались в «Смеси» (1810. № 10, 17, 22). Они своеобразно венчали собой обширный ряд от беллетризованного очерка Г. Меркеля «Путешествие Ж.-Ж. Руссо в Параклет» (1808. № 2) и картинного «Падения Ниагары» Шатобриана (1808. № 3) до «Воспоминаний об Ост-Индии» Я. Хафнера (1809. № 20) и «Отрывков из писем об извержении Везувия» (1810. № 22) [15. С. 43–63]. В них, по справедливому заключению И.А. Айзиковой, «голос повествователя <...> слышится всюду и непосредственно, он описывает окружающий его мир, размышляя при этом и об общем, вечном, и о себе» [5. С. 172]. Продолжением этой линии выступали очерки Н.Ф. Алферова (1808. № 7, 11; 1810. № 8), А.И. Тургенева (1808. № 22), Н.Р. Мамышева (1809. № 6, 7, 8), К.Н. Батюшкова (1810. № 8) и др.

Наличие в журнале такой личностной повествовательной инстанции вносило определенный оттенок в восприятие «объективных» материалов, поставившихся Каченовским, начиная с очерка «О Персии» (1808. № 15) и заканчивая «Статистическими замечаниями о Франции» Х.Х. Дабелова (1810. № 20). Заимствованные в основном из неспециализированных журналов и популярных книг, они были ориентированы на интерес читателя к экзотическим странам (Восток, Америка, Африка) либо государствам, находившимся в центре политико-экономической жизни Европы (Испания, Франция, Англия, Германия). Тем самым в большей или меньшей мере эти статьи предполагали пусть не эмоциональный, но интеллектуально-ценностный отклик,

связанный, например, с войной в Испании (разножанровый «испанский» № 20 за 1808 г.) или русско-шведской кампанией (цикл материалов от очеркового «Взгляда на шведскую Финляндию» /1808. № 10/ до батюшковской поэтической «Картины Финляндии» /1810. № 8/).

В широком же масштабе страноведческие материалы «Вестника» отвечали на интерес к национальному колориту, народности, и осознанный шаг в этом направлении делал Жуковский, разворачивая очерковое начало в художественный миробоз «восточных» повестей (ряд переводов из А. Сарразена), перенося действие в колониальную Индию («Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо»), Америку («Дорсан и Люция»), Швейцарию («Горный дух Ур в Гельветии»), Германию («Прусская ваза»), Древнюю Русь («Три пояса», «Марьяна роща», «Людмила») и т.п. Так, возвращаясь к субъективному измерению – воссозданию национального сознания, иногда условному, иногда мотивированному более глубоко поверьями, бытом, социальными условиями, – замыкался круг повествовательной трансформации данного содержательного пласта.

На подобную реакцию рассчитывались и научно-популярные заметки, сообщения об открытиях, по определению Жуковского, «к известным способам пользоваться жизнью прибавляющих новые или более совершенствующих старые» [8. С. 9]. Самого Жуковского в них интересовал «человеческий» смысл, программно акцентированный в переводном эссе И.А. Эберхарда «Науки» (1809. № 19) с его интерпретацией познания внешнего мира как способа этического самопознания личности и совершенствования общества. Отсюда специфический отбор редактором журнальных материалов, сосредоточенный на успехах медицины (1808. № 19; 1809. № 17, 21), педагогики (1808. № 21; 1810. № 4), психологии (1810. № 13).

Эти сообщения дополнялись обширным рядом очерков об ученых (Эйлер), философах (Юм, Декарт, Кант), педагогах и моралистах (Фелленберг, Песталоцци, Руссо, Лафатер, Франклин и др.), не входящих в тонкости их теорий, но рисующих живой облик человека. Иногда эту роль выполнял аутентичный документ, вроде «Писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену, другу его» (1810. № 16), интимно мотивировавший цель и нравственный смысл предпринимавшихся ученым изысканий.

При насыщенности подобного контекста и отсутствии жанрово-тематической рубрикации научно-популярные переводные статьи Каченовского в «Литературе и смеси» приобретали особую, личностную перспективу. Впоследствии, когда они были выделены в специальный блок «Науки и искусства», их журнальный интерес в целом снизился, хотя репертуар стал разнообразнее и позволял, на более или менее занимательном уровне, следить за новинками астрономии, ботаники, психологии, археологии и т.п. Тем не менее связь с ансамблевым целым и здесь не была окончательно потеряна, реализуясь в переключках между «таинственными» повестями и балладами Жуковского («Людмила», «Марьяна роща», «Привидение») и такими, например, статьями, как «О предчувствиях во сне» С. Либошица (1810. № 13), или эстетическими его эссе и центральными в рубрике материалами по истории литературы и искусства.

Взаимодополнительность двух видений, субъективно-художественного и объективно-научного, в особенности ощущалась в сфере исторической, главным предмете Каченовского и центре напряженного интереса Жуковского в 1809–1810 гг. в пору созревания замысла эпической поэмы о Владимире. Писателя не занимала узкоисторическая проблематика – критика источников, накопление и проверка фактического материала, частные темы. В этом Жуковский шел за Карамзиным, уже в «Вестнике» поставившим личность в центр исторического дискурса («О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» и другие статьи). В период своего единоличного редактирования он предпочитал печатать статьи, посвященные не отвлеченной проблеме, а конкретному историческому лицу. С такой статьей, в частности, вернулся в журнал Каченовский («Выписка из жизни князя Шаховского» /1808. № 17, 18/).

Еще один объект его внимания – это документ, причем открывающий человека не с официальной стороны, а с точки зрения психологически-бытовой. Подобные свидетельства Жуковский стремился публиковать регулярно, начиная с донесения А.Д. Кантемира «Георг II, английский король» (1808. № 4) и заканчивая письмами принца де Линя к Екатерине II (1809. № 19, 21) и воспоминаниями биографа Суворова Е.Б. Фукса (1810. № 5, 10). В них король, императрица, военачальник выступали как частные люди со своим складом характера и мыслей, иногда чуждаватые. В последнем моменте документ соединялся с анекдотом, который также был широко представлен на страницах «Вестника». Исторические лица («Черты из жизни Суворова» /1809. № 18/), писатели и музыканты («Анекдоты из жизни Иосифа Гайдена» /1810. № 11/), просто личности с нестандартным поведением («Чудаки» /1810. № 13, 14/, «Анекдот о свадьбе Ривароля» Батюшкова /1810. № 23/) – они демонстрировали неоднородность человеческой природы, отражающую сложность окружающего мира. При всем том для Жуковского сохраняло свою значимость просветительское понимание истории как нравственного урока, способа воспитания сограждан, что он программно подчеркнул переводом «Писем Иоанна Миллера».

Без подобного ценностно-пластического фона принципы скептической историографии, проводимые Каченовским, выглядели скорее разрушением истории, нежели приближением к ее пониманию. Ученый в «Вестнике Европы», ориентируясь на своего, «ученого» читателя, стремился прежде всего развернуть панораму специальных проблем, связанных с источниками русской истории и методологией их исследования. К первому разряду относились статьи археолого-этнографического плана («Исторические замечания о древностях Великого Новгорода» Е.А. Болховитинова /1808. № 16/, «Об источниках для русской истории» Каченовского /1809. № 3, 5, 6, 15/ и др.), ко второму – опыты разбора и сопоставления документов, интерпретации реалий и т.п. («Параллельные места в русских летописях» Каченовского /1809. № 18/, «О Несторе и продолжателях его летописи» Н.П. Брусилова /1810. № 20/ и пр.) [16. С. XVI–XXII].

Сам издатель видел в подобных аналитических материалах подготовку к грядущему синтезу, восстановлению достоверной и широкой картины исторической жизни России, что не мешало ему сосредоточиваться на частностях

и деталях, подобных «Исследованию банного строения, о котором повествует Нестор» (1810. № 1), породившему долую и незанимательную для широкого читателя полемику. Это упорство, как показала Г.В. Зыкова, исходило из желания противопоставить идеал объективной научности как скороспелым полухудожественным обобщениям Карамзина и карамзинистов, так и дилетантским лингво-археографическим разысканиям Шишкова и «славенофилов» [13. С. 70–79]. Для популярного журнала, однако, подобное идейное и особенно дискурсивное размежевание, отвергавшее в принципе беллетризацию исторического материала, было малопродуктивным – и субъективно-художественный подход Жуковского выступал здесь лучшим дополнением, шагом к синтетическому романтическому историзму.

Более того, в его прозе, хотя в основном на переводном материале, возобновилась заложенная Карамзиным тенденция рассматривать личность, ее духовно-нравственный облик через призму социально-исторического бытия. К тому склоняла уже специфика журнала, сопрягавшего литературу и политику и требовавшего отклика на актуальные общественные вопросы, пусть в минимальном объеме. Результатом стали обращение Жуковского к новым для него жанрам публицистики и попытка определить свой взгляд на социальное устройство. Основой его, как и всего мировоззрения писателя, выступили категории нравственно-психологические: справедливым Жуковский признавал то общество, в котором каждому человеку возможно найти счастье в малом жизненном кругу, уготованном ему Провидением. Счастье же понимается как ощущение гармонии между внешним положением личности, прежде всего сословным, и мировосприятием, нацеленным на деятельное совершенствование в своей сфере.

Научить способам такой гармонизации и должен был в идеале издаваемый Жуковским журнал, предлагавший целую программу социально-нравственного воспитания. Опорные ее пункты намечались в немногочисленных, но принципиально значимых публицистических выступлениях – «Письме из уезда к издателю», «Училище бедных...» и комментарии к «Печальному происшествию» (1809. № 9), в которых писатель переходил от изложения своей концепции всеобщего образования к анализу социальных эксцессов, вызванных ее несоблюдением (судьба Лизы). Предупредить или ослабить их была призвана, с «теоретической» стороны, моралистика журнала, педантично разъяснявшая смысл жизненных испытаний и противопоставлявшая им духовные ценности дружбы, любви, творчества, семейной гармонии, а с практической – регулярные филантропические акции, научавшие добру на конкретных образцах (1808. № 13, 17; 1809. № 8, 13 и др.). Но, конечно, приоритет здесь оставался за художественным воздействием, сопрягавшим психологический анализ сложных социальных ситуаций с нравственным обобщением. Так выстраивался ряд от перевода шиллеровской повести «Ожесточенный» (1808. № 6, 7) до очерка «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо» Г. Меркеля (1810. № 2).

Именно через эти произведения осуществлялась в журнале перекличка с публицистикой Каченовского и других авторов, переносившей акцент с проблем личностного бытия на проблемы общественные. Образцом здесь может служить повесть М. Эджеворт «Прусская ваза» (1808. № 20–21), посвященная

судьбе маленького человека при деспотическом режиме Фридриха Великого, и «Письмо Е.Б. Фукса о последней войне французов с пруссаками», в котором причиной поражения Пруссии называлось превращение солдата в «неодушевленное орудие», «частицу машины» [17. С. 21]. Если вспомнить еще и колоритную картину суда в повести М. Эджеворт, то от нее тянутся нити к циклу статей, обсуждавших вопросы конституционного ограничения монаршего самовластия («О некоторых выгодах германской конституции» /1808. № 14/; «О соединении государств и смешании народов» /1809. № 8, 10/; «О сравнении Ликургова законодательства с Солоновым» /1810. № 7/ и др.).

Подобные линии смысловой преемственности можно заметить в «Вестнике Европы» 1808–1810 гг. применительно к проблеме крепостного права, в отношении к Французской революции и т.д. [1. С. 108–137]. И при всей скромной роли публицистического отдела в соседстве с многочисленными историческими материалами он выступал как пространство утверждения историзма, что нагляднее всего проявлялось в переводах Каченовского, подобных статье «О предрассудках» (1808. № 18) или «Бурбонам невозможно править» (1809. № 4), утверждавших принцип изменчивости общества. Хотя Каченовский видел причины его более в области социально-экономической (ср. многочисленные статьи о развитии торговли и экономики разных стран), а Жуковский в сфере нравственно-психологической, производной сложности человеческой природы, но в сочетании оба подхода открывали динамичную панораму современной истории.

Одним из моментов ее становилась литературная жизнь, освещать которую был призван отдел критики. Трудности утверждения этого раздела в журнале в период редактирования Жуковского, вначале отказавшегося, по примеру Карамзина, от критических разборов, но с 1809 г. пересмотревшего свою позицию, уже служили объектом нашего рассмотрения [6. С. 101–112]. Наряду с тактическими соображениями здесь играла свою роль и ансамблевая телеология: образ изменчивой действительности не мог обойтись без проекции на литературную сферу, будь то перипетии кружковой борьбы, динамика жанров или, в самом общем плане, проблемы исторического развития словесности.

Показательно, что у самого Жуковского опыты подобных экскурсов (за исключением узко полемических) выросли из черновых, нацеленных на самообразование материалов («Конспект по истории литературы и критики»), демонстрируя превращение «дневниковых» эстетических рефлексий в хронику литературно-театральной жизни. В основе ее, однако, сохранялась «личностная» установка, с одной стороны, призванная акцентировать индивидуальное своеобразие произведений или авторских позиций, а с другой – развить художественную восприимчивость читателя, залог его нравственного совершенствования (см. обоснование этой позиции в программных статьях «О нравственной пользе поэзии» /1809. № 3/, «О критике» /1809. № 21/, «Два разговора о критике» /1809. № 23/). Такую методичку А.С. Янушкевич назвал «комментированным чтением» [18. С. 73], погруженным в эстетико-психологические нюансы анализируемых образцов (ср. «Московские записки» /1809. № 22–24/). Совокупность этих разборов тем не менее не превращалась в субъективную панораму пристрастий, но открывала перспективу исто-

рической эволюции, итог которой ретроспективно был подведен в статье «О поэзии древних и новых» (1811. № 3).

На фоне жанрового канона басни, сатиры, трагедии Жуковский выявлял индивидуальные модификации жанра, выстраивая диахронные (греческие трагики – французские классицисты – современные пьесы; Гораций – Кантемир и т.п.) и синхронные (Гораций – Ювенал, Вольтер – Кребильон – Альфиери, Крылов – Дмитриев) ряды. Углублению материала служили теоретические экскурсы, вводившие в анализ романтические по духу категории эстетического идеала, авторской субъективности, художественной целенаправленности и органичности и применявшие их к конкретным произведениям, вскрывая уровень достоинства последних («Радамист и Зенобия» С. Висковатова, «Электра и Орест» А. Грузинцева).

Жуковский, впрочем, видел в критике не самоценное, но подсобное средство, предпочитая воспитывать читателя на «образцах», специально подобранных произведениях, адаптированных к журнальному восприятию, в меру занимательному, в меру серьезному. Отсюда его стремление создать в «Вестнике Европы» панораму современной европейской словесности в ее рядовых, иногда тривиальных проявлениях, облегчавших усвоение новых идей и форм [19. С. 17–27; 20; 21. С. 25–53]. Каченовский, будучи преподавателем не только истории, но «изящных наук», старался дополнить «образцы» «правилами» и, уже отталкиваясь от них, выстроить историческую перспективу. С 1809 г. эти две линии, эстетическая и историческая, образовали в журнале непрерывный ряд. Среди исторических обзоров мы найдем экскурсы и в древнюю литературу (1810. № 5, 7, 8 и др.), и в словесность множества европейских народов – греков (1809. № 1), французов (1809. № 5), испанцев (1809. № 7), немцев (1809. № 17), итальянцев (1810. № 1, 2). Параллель к ним составляли теоретические статьи, трактовавшие категории эстетики, вопросы поэтики различных жанров, а с 1810 г. еще и проблемы искусствоведения (№ 11, 16, 23, 24).

Как констатировали Л.В. Митюк и Г.В. Зыкова, эти материалы, выдержанные в основном в русле просветительских представлений, нередко заключали в себе предвестия романтических идей [3. С. 3–19; 13. С. 67–69], что делало немногочисленные разборы Жуковского смысловым центром эстетико-критического раздела. Периферию же его составляли рецензии и полемические замечания Каченовского, посвященные не концептуальному освещению словесности, а ее дробной и текучей современности, причем как литературно-театральной, так и научной. Именно в оценке трудов Н. Арцыбашева, И. Мартоса, М. Баккаревича, книг П. Урусова, Н. Страхова, С. Ширина, Шихматова и многочисленных переводов, а также в хронике театральной жизни Москвы («Московские записки») утверждалась позиция издателя в кружковой борьбе – и представление о динамике культурной жизни, требовавшей в идеале объективного освещения.

Каченовский пытался совместить эти подходы, но без особой органичности, внося в научный раздел излишнюю полемичность, а в литературный – нарочитый педантизм. Во всей широте подобная стратегия, во многом вынужденная, навязанная логикой журнальных схваток, развернулась после ухода Жуковского. И тогда выяснилось значение для журнального ансамбля его по-

зиции, связывавшей разнообразные материалы единым видением мира и человека и общей программой эстетического воспитания. Именно они выступали противовесом энциклопедической центробежности, тяги к тематической и дискурсной специализации с приоритетом научно-критических жанров. Баланс двух установок, оказавшийся, к сожалению хрупким, породил особый эффект, о котором ностальгически вспоминал позднее П.А. Плетнев: «Перебирая этот журнал, убеждаешься, что он был действительный посредник между читателями и своей эпохой. В нем ничто не забыто, ничто не упущено. Как драгоценная летопись современности, “Вестник” указывает на все явления истории, литературы и общественной жизни. Конечно, лучшим украшением журнала были собственные сочинения и переводы редактора» [22. С. 384].

Заметим, что Жуковский в конце 1810-х гг. выделит свои произведения из журнального целого и создаст из них особые сборники «Переводы в прозе» (М., 1815–1816) и «Опыты в прозе» (Стихотворения Василия Жуковского. Ч. 4. М., 1818), отмеченные единством образа и мировидения автора. К такой структуре стремился в идеале и его «Вестник Европы», отталкивавшийся от «дневниковой» модели, утвержденной в журналистике «Московским журналом» Карамзина. Тем не менее логика литературного развития выдвигала на первый план объективно-хроникальное начало – по образцу карамзинского же «Вестника Европы». Эту линию в итоге продолжил Каченовский, преобразовав ее в рамках своего видения. Сочетание двух авторских позиций, к которым присоединялись «реплики» других корреспондентов, вносило в журнал элемент диалогизма и становилось шагом не только к политематичности, но и к полисубъектности. Причем «Вестник Европы», являвшийся в 1808–1810 гг. органом карамзинской школы, не имел специфически кружковой ограниченности, стремясь к внепартийной позиции и в дальнейшем. Подобная открытость выступала знаком профессионального подхода к журналистике, пробивавшего себе путь в литературе начала века. И если в конце 1810 – начале 1820-х гг. кружковые журналы от «Благонамеренного» до «Совревателя просвещения и благотворения» войдут в пору кризиса и закончат свое существование, то «Вестник Европы» испытание выдержит, оказавшись пусть не первостепенным, но значимым конкурентом журналов Н.А. Полевого и М.П. Погодина, трансформировавших просветительский энциклопедизм в романтическую универсальность, но сохранивших общую модель политематического и полисубъектного ансамбля.

Литература

1. Митюк Л.В. Общественно-политическое направление журнала «Вестник Европы» (1802–1830) // Писатель и литературный процесс. Душанбе, 1974. Вып. 1.
2. Митюк Л.В. Вопрос о романтизме в журнале «Вестник Европы» (1802–1830) // Писатель и литературный процесс. Душанбе, 1974. Вып. 2.
3. Митюк Л.В. Вопросы эстетики в журнале «Вестник Европы» (1802–1830) // Статьи по филологии. Душанбе, 1974. Вып. 4.
4. Поплавская И.А. Эволюция литературной критики в журнале «Вестник Европы» // Проблемы литературных жанров: Материалы VII науч. межвуз. конф., 4–7 мая 1992. Томск, 1992.
5. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
6. Киселев В.С. Формы коммуникативно-повествовательной интеграции в «Вестнике Европы» В.А. Жуковского (1808–1810) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 3.

7. *Вестник Европы*. 1808. № 22.
8. *Вестник Европы*. 1808. № 1.
9. *Вестник Европы*. 1809. № 21.
10. *Вестник Европы*. 1809. № 3.
11. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
12. *Зыкова Г.В.* Атрибуция некоторых текстов И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» 1800–1810-х годов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. 1994. № 2.
13. *Зыкова Г.В.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
14. *Из неизданной переписки В.А. Жуковского* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. Л., 1981.
15. *Айзикова И.А.* «Путешествие» среди прозаических переводов В.А. Жуковского в «Вестнике Европы» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1988. Вып. 14.
16. *Костомаров Н.И.* Историческая наука в «Вестнике Европы» до 1830 года // *Вестник Европы*. 1866. Т. 1. Март.
17. *Вестник Европы*. 1809. № 9.
18. *Янушкевич А.С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.
19. *Кулешов В.И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1977.
20. *Айзикова И.А.* В.А. Жуковский – переводчик прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.
21. *Дмитриева Е.Е.* В.А. Жуковский-переводчик в прозе, или Проблема литературы «серьезной» и литературы «тривиальной» // Жуковский В.А. Розы Мальзерб: Европейская новелла в переводах В.А. Жуковского. Псков, 1996.
22. *В.А. Жуковский* в воспоминаниях современников. М., 1999.